

но определение некоторых априорных параметров культурных процессов, коренящихся в структуре современного философского знания).

Речь идет также не о том, чтобы изучить интервенцию западного модерна в постсоветскую культурную среду современной России (что было бы достаточно тривиально), а о *парадигмально обусловленных реакциях национальной культуры* на такого рода вторжения. Важно при этом не сбиться на описание «форм общественного сознания» (со всеми наивно-онтологическими предрассудками, сопутствующими такому описанию), но попытаться определить конфигурацию особого дискурсивного поля современной российской культуры (мы называем это — *дискурсивно-знаковым сведением* наличной морфологии культуры).

Собственно, диагностика должна сводиться к определению соотношения устойчивых (тяготеющих к традиции, неоклассицистских) и деструктивно-модернистских тенденций в современной культуре. Ключевой методологической новацией такого рода исследования могло бы быть *конструктивное обращение «деконструкции»* в упомянутой выше процедуре «футурологического прояснения». А в основе опорной теоретической модели, определяющей архитектуру исследования, могла бы лежать идея *мутирующего культурного «гена» (фундаментальной эпистемы данного типа мышления и данной культурной эпохи)*. Эту исходную теоретическую схему можно представить себе в виде философского ядра духовной культуры и окружающих его хабитуальных слоев, сквозь которые прорастают мутирующие дискурсивные ком-

плексы (интеллектуальные и литературно-художественные практики, политические, психологические, договорно-юридические технологии).

Столкновения различных пластов культуры — «классика — модерн», «ранний модерн — постмодерн», «Россия — Запад», «русская традиция — российская современность» — могут порождать еще более любопытные явления. Западная и русская традиции образуют в нашей современной ситуации две шкалы культурных мутаций, интерферирующих друг с другом. В результате может иметь место периферийная «сверхмутация» — сдвиг в коллективном сознании культурного домена, чреватый мощными разрушительными силами.

Духовно-философская жизнь современной России имеет пеструю, мозаичную структуру. Особое внимание при ее изучении может уделяться таким содержательным мотивам, как деконструктивистские сдвиги в сфере гносеологических учений, углубление метафизического кризиса, судьбы феноменолого-экзистенциальной традиции, философия техники и компьютерных технологий, философия языка. Целью такого анализа может быть составление карты измененных («мутированных») мотивов, «концептов» и идей, имеющих хождение в российской интеллектуальной среде. Если представить себе такое исследование успешно завершенным, то перед нами должна открыться картина измененного (по отношению к нынешней, «нормальной», ценностной шкале) совокупного общественного интеллекта. Из суммы таких изменений проявятся новые черты еще невиданной нами исторической формы духа.

ИДЕЯ ВСЕСЛАВЯНСКОЙ ИМПЕРИИ И УЧЕНИЕ «МОСКВА — ТРЕТИЙ РИМ» В XVII В.

О.Б. Ионайтис

Ионайтис Ольга Борисовна — кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии философского факультета УрГУ.

По поляризованности и противоречивости русский народ можно сравнить лишь с народом еврейским. И не случайно именно у этих народов сильно мессианское сознание...

У русского народа была огромная сила стихии и сравнительная слабость формы... он был народом откровений и вдохновений, он не знал меры и легко впадал в крайности

Бердяев Н. А. Русская идея

XVII в. часто изображают «веком дореформенным», веком застойным, который был преодолен реформами и деятельностью Петра I. Однако это время менее всего можно назвать застоєм. Это век Смутного времени, социальных и экономических преобразований, целого ряда политических кризисов, религиозных реформ. Главный результат столетия — душевное потрясение, нравственный перелом в менталитете — раскол. Да, внешне старый обычай и обряд в XVII в. сохраняются, но перемены все резче вырисовываются на общем фоне. И старину приходится уже восста-

навливать, закреплять, заучивать, заставляя ей следовать. Этим отчасти и объясняется требование обряда, церемонии, но уже не как порыва души (как это было ранее), а как болезненной необходимости. В XVII в. меньше всего простоты и непосредственности и тем более нет наивности. И, как всегда, о нерушимости устоев начинают беспокоиться тогда, когда они рушатся. В этой упорной защите старины чувствуется запоздалая самозащита. «Это был век потерянного равновесия... век событий... век резких характеров и ярких лиц» (*Флоровский Г.* Пути русского богословия. Киев, 1991. С. 58), век, который закончился апокалиптической судорогой. «Вдруг показалось: а не стал ли уже и Третий Рим царством дьявольским, в свой черед... В этом сомнении и догадке исход и тупик Московского царства» (там же).

XVII столетие было временем глобальных и всесторонних перемен, которые оказывали значительное влияние на русскую и мировую историю задолго до реформ Петра Великого. Особая роль принадлежала патриарху Никону, деятельность которого была многоплановой и отражала устремления своей эпохи.

Патриарха Никона всегда волновала проблема вселенского православия. Он отличался неприязнью к Западу и иноверам. Никон активно выступал как вселенский покровитель православия и единоверцев, страдавших под гнетом турок, поляков, шведов. Стимулом его политики являлся не примитивный национализм, а глубокое чувство ответственности России за единоверцев, живущих за ее пределами. В этом смысле патриарх Никон был далек от идеологии старца Филарета и партии боголюбцев, которые радели лишь за судьбу Московской Руси, единственного государства сохранившего истины веры и по отношению к которой все внешнее (даже православные, живущие за ее границами) является именно внешним, следовательно — сомнительным, не истинным.

Избранный в 1650 г. патриархом Никон изначально пытался определить цель политики России как объединение православных народов под мудрым руководством и защитой Москвы. Примером может служить даже такое, на первый взгляд политически нейтральное событие как, создание новой обители на Валдае, которое Никон стремился превратить в манифестацию вселенско-православной солидарности, посвящая свое детище Иверской, т. е. Грузинской Божьей Матери. Эта акция отражала взаимоотношения России и Грузии: в 1619 и 1623 гг. Грузия просила Россию о помощи, а в 1636 г., даже не запрашивая Москву, перешла под покровительство русского царя; в 1650 г. имеретинский царь Александр принес присягу на верность Алексею Михайловичу, объявив себя подданным русского царя. И, хотя отношения с Грузией в это время были нестабильными, деятельность Никона отражала реальную политическую и историческую ориентацию.

Гораздо более значительной была поддержка Москвой православного населения в Речи Посполитой, восставшей под предводительством Богдана Хмельницкого. Хмельницкий лично обращался к Никону с письмами о поддержке просьбы Украины объединения с Москвой. Никон отвечал позитивно Богдану Хмельницкому. Никон всей душой поддерживал идею Малой Руси стать под руку царя Руси Великой. Земский Собор, собрав-

шийся 1 января 1653 г., выступил за объединение дружественных православных народов и начало войны с Польшей.

Обсуждался вопрос о войне с Турцией с целью освобождения единоверцев. Призывы об освобождении православных, живущих на Балканах, звучали достаточно громко. Эти идеи Никона поддерживали иерархи Балкан и Ближнего Востока, неоднократно обращавшиеся к русскому патриарху и царю.

После первых же успехов православных против католиков на Балканах начали говорить, что «Царградом будет владеть великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович». Бывший константинопольский патриарх Афанасий Пантеллярый, приехавший в Москву вскоре после избрания Никона патриархом, напрямую называл Алексея Михайловича «столпом и утверждением веры, помощником в бедах, прибежищем нашим и освобождением», Никону же предсказывал миссию «освещати соборную апостольскую церковь, Софию Премудрость Божию». В данном контексте эти слова означали предложение Никону войти в Царьград и сделаться вселенским патриархом, вернув православию храм Святой Софии. Таким образом, мы видим, что почти за сто лет до царствования Екатерины Великой, знаменитый греческий проект освобождения православного Востока от турок уже активно обсуждался.

Своим энтузиазмом Никон увлекал Алексея Михайловича. Так в 1653 г. царь, принимая в день Пасхи греческих купцов, напрямую спросил, желают ли они, чтобы Россия освободила их от Турции? Услышав положительный ответ, Алексей Михайлович прибавил: «Я принял на себя обязательство, что если Богу угодно, я принесу в жертву свое войско, казну и даже кровь свою для их избавления». Учитывая, что слова эти записаны дьяконом Павлом, сопровождавшим антиохийского патриарха Макария и настроенного в пользу соответствующего толкования слов русского царя, все же, в них отражено настроение времени.

Панправославный экспансионизм Никона не ограничивался западнорусскими землями, православным Востоком и Грузией, он смотрел и на берега балтийского моря, которые перешли к шведам в результате Смутного времени. Никона мало интересовало «окно в Европу», столь волновавшее Иоанна IV и Петра I. Его волновал факт, что шведское правительство стремится перевести местное население из православия в лютеранскую веру.

Идея о создании на земле истинного христианского государства вела к мысли о необходимости преобразования окружающей действительности. Примером целенаправленного воплощения грандиозной идеологической и политической программы в архитектурной форме является возведение величественного комплекса патриаршего монастыря Новый Иерусалим под Москвой: на берегах Истры воссоздавалась иерусалимская святыня, максимально похожая на то, что существовало в самом Иерусалиме, но одновременно она должна была воплотить великую идею о главенстве Москвы, православного царства, православной церкви и ее духовного вождя — патриарха.

Построен был не только грандиозный храм, воссоздавался ландшафт сакральной библейской местности. Река Истра переименовывается в реку Иор-

дан, окрестные высоты получают название гор Елеонской и Фаворской с постройкой на них соответствующих часовен. Аналогичные комплексы были воспроизведены на Белом море (Валдайский, Иверский и Крестный монастыри). Подобное воспроизведение текста Библии в земных реалиях и в таком масштабе было необыкновенно даже для Византии, покоряющей европейцев своими мистическими строениями и мистикой реальностью в течение всего Средневековья.

Никон стремился организовать отношения между церковью и государством так, чтобы церковь и патриарх занимали главенствующую роль, ибо только так, по его мнению, возможно построение истинной великой империи, которая постепенно объединит все славянские государства и, вообще, весь православный мир. С 1653 г. Никон получает право от Алексея Михайловича именоваться «Великим Государем»; со временем титул Никона становится еще более пышным — «Никон, Божьей милостью, великий господин и государь, архиепископ царствующего града Москвы и всея Великия, и Малыя, и Белыя России и всея северные страны и помория и многих государств патриарх...».

Идея создания великой империи была одной из причин реформы обряда, которую Никон со всем жаром души своей, решил осуществить. Мечты о православной империи с центром в Москве делали вопрос разночтений устава и обряда уже не только русским делом, но и делом вселенским. Если судьба Москвы — стать столицей великой славянской православной империи, то и устав церковный должен соответствовать будущему великому предназначению. Результат — раскол.

По сути, столкновение партии Никона и старообрядцев есть столкновение идеи великой православной империи и учения «Москва—Третий Рим».

Исторически оба движения оказались несостоятельными.

Мечта раскола была мечтой о здешнем Граде, граде земном. Это была теократическая утопия, в основе которой — вера в то, чтобы мечта осуществилась под видом Московского государства. Когда Никон заявил, что он русский, но вера его греческая, он нанес последний удар по идее «Москва—Третий Рим», так как греческая вера представлялась в связи с историческими событиями (военными и политическими неудачами) не совсем истинной и не совсем православной, в отличие от русской. А истинная вера связана с истинным царством, и наоборот. Следовательно, реформы Никона и Алексея Михайловича свидетельствуют о конце истории. Именно так это и воспринималось идеологами раскола. Поэтому раскол и призывал в пустыни из мира, погрязшего в грехе, опровергал возможность построения в сложившейся ситуации православного государства.

Возникает вопрос, а возможна ли была эта великая православная империя, готовы ли были сами славяне к ней? О многом заставляют задуматься слова К. Н. Леонтьев, который в конце XIX столетия писал в своей знаменитой работе «Византизм и славянство»: «Что такое славизм? Ответа нет! Славизм можно понимать только как племенное этнографическое отвлечение, как идею общей крови и сходных языков» (Леонтьев К. Н. Византизм и славянство // Россия глазами русского. СПб., 1991. С. 200). Идея всеславянской империи оказалась утопией, которая не могла осуществиться не по политическим причинам, не по экономическим, не по каким-либо другим. Но она владела умами, более того — явилась одной из причин начала реформ патриарха Никона и Алексея Михайловича, которые привели не только к церковному расколу, но и к расколу историческому.

ТРАВМЫ ИСТОРИИ: предвоенные и военные годы на Севере Сибири

В.П. Ляушин

Ляушин Вадим Петрович — кандидат исторических наук, доцент, зам. начальника по науке Уральского юридического института МВД России по научно работе

Период 20-40-х гг. в истории Севера был сложным и противоречивым. Именно в этот период здесь проявились самые негативные последствия тоталитарного режима: социально-политические противоречия, конфликты, коррупция и произвол чиновников.

Установление Советской власти на Севере сопровождалось экспроприациями, репрессиями против торгово-купеческих слоев, являвшихся основными поставщиками товаров для коренного населения. Это привело к разрыву традиционных связей, тяжелому экономическому положению региона, находящегося в зависимости от поставок извне.

Первые серьезные столкновения с Советской властью произошли во время крестьянского восстания 1921 г., когда население Обского Севера выступило против большевистской диктатуры. Повстанцы из зырянской деревни Ошворы уничтожили красноармейский отряд под командованием Сосунова, отступавший из мятежного Обдорска. Поддержка местного населения во многом пре-